

Заключение по Итоговому отчёту «независимой комиссии» Р. Паунда, Р. Макларена и др. от 09.11.2015

Вводная часть

Предметом настоящего заключения явился Итоговый отчёт (за № 1) от 09.11.2015 комиссии (именуемой как «независимая комиссия») в составе: председателя комиссии Ричарда В. Паунда (Richard W. Pound), членов комиссии Ричарда Х. Макларена (Richard H. McLaren) и Гюнтера Янгера (Günter Younger), инспектора ВАДА Джека Робертсона (Jack Robertson), «участников расследования комиссии» Дэвида Тинсли (David Tinsley), Мартина Дабби (Martin Dubbey), Брайана Тэля (Brian Talay), Ника Коннона (Nick Connon), Грега Китселла (Greg Kitsell), Габриеллы Рэ (Gabriella Re), «координатора по составлению отчёта расследования» комиссии Дианы Тезик (Diana Tesic)¹ (далее – Отчёт Паунда-Макларена). Согласно с. i (страница, предшествующая с. 2 исследуемого Отчёта), указанная комиссия была создана Президентом Всемирного антидопингового агентства (ВАДА). Согласно с. 3 Отчёта Паунда-Макларена, 16.12.2014 ВАДА объявило имена членов указанной «независимой комиссии»: Ричард В. Паунд – королевский адвокат, бывший Президент ВАДА; Ричард Х. Макларен – профессор права и арбитр Спортивного арбитражного суда; Гюнтер Янгер – начальник отдела противодействия компьютерным преступлениям Управления уголовной полиции Баварии. Положение об указанной «независимой комиссии» было опубликовано 16.01.2015. Данный документ был направлен Президенту ВАДА.

Проведённое исследование Отчёта Паунда-Макларена дало необходимые и достаточные основания для вывода о том, что данный документ обладает множеством критических недостатков, не позволяющих оценивать его как обоснованный и объективный. В настоящем заключении, подготовленном по результатам указанного исследования, описаны некоторые наиболее существенные, критические недостатки Отчёта Паунда-Макларена.

Заключение выполнено по тексту оригинала Отчёта Паунда-Макларена, с учётом оказавшегося в доступе авторов настоящего заключения перевода текста этого документа на русский язык (перевод подготовлен иным лицом). Нумерация страниц в отношении приводимых цитат осуществляется по тексту документа в оригинале на английском языке.

¹ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

Основная часть

1. Оценка юридического значения Отчёта Паунда-Макларена

Целью расследования «независимой комиссии» в Отчёте Паунда-Макларена было заявлено «*проведение независимого беспристрастного расследования*» [«*The objective of the IC investigation was to conduct and direct an unbiased and independent investigation*»] (с. 4).

Однако тот факт, что Ричард Паунд (глава «независимой комиссии», Отчёт которой явился предметом настоящего исследования) ранее являлся Президентом Всемирного антидопингового агентства, не позволяет в достаточной мере оценивать его как независимое лицо, а равно возглавляемую им комиссию – как независимую. Не представляется возможным вывести из исследуемого Отчёта Паунда-Макларена, на каких именно основаниях следует признавать всех привлекавшихся к его составлению лиц «независимыми».

Согласно исследуемому Отчёту Паунда-Макларена, этой «независимой комиссии» были предоставлены полномочия определять: «*1. Наличие нарушений процедур или правил (Кодекс и международные стандарты) со стороны любого лица, подписавшего Кодекс, включая РУСАДА и ИААФ, но не исключительно ввиду возможного существования других национальных антидопинговых организаций (НАДО) или международных федераций (МФ), которые также могут потребовать такого расследования. 2. Наличие нарушений международного стандарта для лабораторий со стороны любой аккредитованной лаборатории, включая московскую лабораторию. 3. Наличие нарушений антидопинговых правил со стороны атлетов, тренеров, врачей и иных лиц из окружения какого-либо спортсмена, включая должностных лиц любых организаций и за их пределами, которые могут быть замешаны в таких нарушениях. 4. Наличие достаточных доказательств, которые могут привести к наложению санкций в соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом на любое физическое лицо или организацию (Положение о полномочиях независимой комиссии, январь 2015 года)*» [«*...was given a mandate to establish whether: 1. There have been any breaches of processes or rules (Code and International Standards) by any signatory to the Code. This includes RUSADA and IAAF, but not exclusively as there may be other National Anti-Doping Organizations (NADOs) or International Federations (IFs) also requiring such inquiry. 2. There has been any breach of the International Standard for Laboratories (ISL) by any accredited laboratory, including the laboratory in Moscow. 3. There have been any breaches of anti-doping rules by athletes, coaches, trainers, doctors and other members of any athlete entourage. This includes officials within and outside any organization who might have been complicit in such breaches. 4. There is sufficient evidence that might lead to sanction processes pursued under the World Anti-Doping Code against any individual or any organization (IC Terms of Reference, January 2015)*»] (с. 3–4).

Анализ Отчёта Паунда-Макларена во взаимосвязи с документом «Положение о полномочиях независимой комиссии» от 16.01.2015² и комплексом нормативных документов Всемирного антидопингового агентства дает необходимые и достаточные основания для вывода о том, что данный документ, сам по себе, не имеет юридического значения (его юридическое значение ничтожно) в качестве основания для принятия каких-либо рестриктивных и репрессивных мер в отношении российских спортивных организаций и российских спортсменов. Этот вывод подтверждается, в том числе, нижеприведенными аргументами.

В свете последних событий вокруг российских паралимпийцев надо отметить, что в Отчёте Паунда-Макларена не употреблено ни разу слово «паралимпийский» (или его производные).

2. Оценка «методологии расследования» в Отчёте Паунда-Макларена

Существенным недостатком Отчёта Паунда-Макларена, критически понижающим его обоснованность и объективность, является отсутствие в этом документе надлежащего описания и обоснования применённой методологии. Выдаваемое в рассматриваемом документе за описание примененной методологии (например, в разделе 1.4 «*Краткий обзор методологии проведения расследования НК*» [1.4 «*Brief Summary of the IC Investigation Methodology*»] (с. 4–6), разделе 4.3 «*Методология расследования*» [4.3 «*Investigative Methodology*»] (с. 67–69), разделе 11.5 «*Расследование: Методология*» [11.5 «*Investigation: Methodology*»] (с. 130–131)) выглядит весьма неубедительно.

Это может означать лишь одно: никакая признаваемая в науке методология объективного исследования, в действительности, не использовалась, а основные выводы Отчёта Паунда-Макларена были политически и идеологически мотивированы и заранее написаны, а уже под них осуществлялась подгонка некой аргументации. Ниже мы приведём необходимые и достаточные подтверждения сказанному.

В частности, одним из убедительных подтверждений сказанному является следующий самостоятельный вывод Отчёта Паунда-Макларена: «*Многие анализы, проведённые лабораторией, следует считать крайне сомнительными*» [«*Many tests that the laboratory has conducted should be considered highly suspect*»] (с. 13, 197, 278). Вот так – «*многие анализы*». За какой срок, пробы каких именно спортсменов и какой их общей численности? В каком именно количестве, что означает «многие»? Что означает «крайняя сомнительность»?

² Independent Commission. Terms of Reference // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/wada-independent-commission-terms-of-reference-2015-jan-en.pdf>>; <<https://www.wada-ama.org/en/resources/independent-commission-terms-of-reference>>. January 16, 2015

Судя по всему, для авторов Отчёта Паунда-Макларена всё это – просто «мелочи», на которые они просто не обращали внимания. Чрезмерная вольность лексики и стилистики в Отчёте Паунда-Макларена поднимает неудобные вопросы о крайне низкой квалификации авторов этого документа.

Указанные выше обстоятельства ставят под вопрос обоснованность и объективность Отчёта Паунда-Макларена в целом.

3. Оценка обоснованности выводов Отчёта Паунда-Макларена о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов

Вывод о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов является одним из основных выводов Отчёта Паунда-Макларена, хотя этот вывод и подаётся в несколько завуалированном виде. И это определяет необходимость оценки качества и меры доказательств, на которых в данном документе выстроены указанные выводы.

В действительности, тщательное исследование Отчёта Паунда-Макларена не позволяет установить и подтвердить обоснованность такого вывода.

Приведем наиболее яркие цитаты:

«Директор московской антидопинговой лаборатории Родченков имел возможность прямого обращения к министру в целях получения финансирования для приобретения лабораторного оборудования» [«*Moscow laboratory director Rodchenkov had direct access to the Minister for purposes of funding requests for laboratory equipment*»] (с. 15, 271, 281).

«Российские правоохранительные органы предпринимали попытки нарушить целостность проб» [«*Russian law enforcement agencies were involved in the efforts to interfere with the integrity of the samples*»] (с. 27, 104, 293).

«Несмотря на заявление..., что РУСАДА действует независимо, хотя и финансируется министерством, независимая комиссия испытывает серьезные сомнения в том, что эта организация на самом деле действует независимо» [«*Regardless... statement that RUSADA acts independently, although financed by the Ministry, the IC has serious doubts that it is truly independent*»] (с. 27, 191, 293).

«Министерство спорта обладает гораздо большим влиянием, чем это следует из организационной структуры» [«*...there is more influence than structurally indicated by the Ministry of Sport*»] (с. 27, 191, 293). Как может «влияние» органа власти определяться его организационной структурой (не правовым статусом и функционалом, полномочиями органа и устоявшейся в данном государстве и в данной сфере общественных отношений моделью государственного управления, а именно организационной структурой), совершенно невозможно

представить, но для Отчёта Паунда-Макларена такого рода «аргументы» – вполне обычное дело.

В вину Министерству спорта Российской Федерации ставится то, что им не были предприняты меры реагирования (в той мере, как это представляют себе авторы Отчёта Паунда-Макларена) на фильмы немецкого телеканала ARD: «...Минспорта позволяет агентству РУСАДА, объекту ряда обвинений, высказанных в документальном фильме на телеканале ARD, проводить расследование в отношении самого себя. Минспорта не сделало ничего, чтобы расследовать серьезные обвинения в преступной деятельности, высказанные в отношении российских спортивных чиновников» [«...Minsport would allow RUSADA, as the subject of several of the allegations in the ARD documentary, to investigate itself. Minsport did nothing to investigate the serious allegations of criminal conduct on the part of Russian sport officials»] (с. 27–28, 270, 293–294). *«Независимая комиссия считает, что справедливое и беспристрастное расследование телеканала ARD и других утверждений невозможно, если расследование проводит заинтересованная сторона. Отсутствие активного надзора со стороны Минспорта предполагает, что Минспорта, возможно, пытается скрыть фактические отношения с РУСАДА»* [«The IC finds that a fair and unbiased investigation into the ARD and other allegations is not possible when an implicated party is conducting the investigation. The lack of vigorous oversight by Minsport suggests that Minsport may be attempting to conceal the de facto relationships it has with RUSADA»] (с. 267).

Но бездоказательные, содержащие заведомо ложные сведения и оценки фильма Х. Зеппельта необоснованно оценивать как веское основание для императивного обязывания к проведению каких-то проверок, а отказ от проведения проверок на основе указанных фильмов необоснованно оценивать как нечто свидетельствующее в пользу исследуемого вывода Отчёта Паунда-Макларена.

Приведем еще цитаты:

«Работа московской лаборатории зависит от РУСАДА или Министерства спорта. Ее беспристрастность, независимость суждений и достоверность данных были скомпрометированы надзором ФСБ за лабораторией во время зимних Олимпийских игр в Сочи» [«The Moscow laboratory is not operationally independent from RUSADA or the Ministry of Sport. Its impartiality, judgment and integrity were compromised by the surveillance of the FSB within the laboratory during the Sochi Winter Olympic Games»] (с. 14, 212, 280).

«Констатируется, что деятельность РУСАДА находится в тесном взаимодействии с Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации и Центра спортивного обучения российских национальных команд» [«RUSADA's activities are stated to be in close cooperation with and supported by the Russian Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation and in cooperation with the Center of Sport Training of the Russian National teams»] (с. 176).

«Независимая комиссия также в конфиденциальных беседах получила информацию о том, что существуют тесные отношения между руководством РУСАДА и Министерством спорта» [«The IC was further informed, in

confidential statements, that there are close relationships between senior members of RUSADA and the Ministry of Sport»] (с. 268).

«...неоднократные заявления различных не связанных свидетелей о влиянии на московскую лабораторию и РУСАДА, очевидное отсутствие надзора за расследованием РУСАДА и отказ привлечь правоохранительные органы к расследованию предполагаемых преступных действий ВФЛА бросают тень на Минспорта и ставят под вопрос его ответственность за надлежащее управление в российском спорте» [«Furthermore, the repeated statements, by various unrelated witnesses of influence over the Moscow laboratory and RUSADA, the apparent lack of oversight into the RUSADA investigation and the refusal to engage law enforcement to investigate the alleged criminal acts of ARAF reflect poorly on Minsport and the discharge of its responsibility for proper governance in Russian sport»] (с. 268).

«Хотя госпожа Желанова утверждала, что московская лаборатория и РУСАДА полностью независимы от Минспорта, в ходе этого расследования различные источники утверждали, что эта “независимость” существует только на бумаге, и что, на самом деле, Минспорта оказывает сильное влияние и на московскую лабораторию, и на РУСАДА» [«While Ms. Zhelanova, maintained that the Moscow laboratory and RUSADA are wholly independent from Minsport, throughout the course of this investigation various sources have asserted that this “independence” exists on paper only and that, in fact, Minsport exerts a strong influence over both the Moscow laboratory and RUSADA»] (с. 267).

«...сотрудники лаборатории и спортсмены сообщили, что Министерство спорта оказывало давление на московскую лабораторию. Когда независимая комиссия спросила, кто давал указания лаборатории производить манипуляции с определенными пробами, сотрудники сообщили: “(знать имена) не нужно, потому что инструкции или напрямую из Министерства спорта”. Сотрудники московской лаборатории представили заявления следователям независимой комиссии во время данных интервью, указывая, что существует “внешнее вмешательство” в аналитические операции лаборатории. Данные внешние вмешательства, однако, не ограничиваются устными указаниями из Министерства спорта, но проявляются также в физическом присутствии государственных чиновников внутри лаборатории. К примеру, сотрудники московской лаборатории сообщили на условиях конфиденциальности, о постоянном присутствии представителей ФСБ (российской службы безопасности)» [«...laboratory personnel and athletes reported that the Ministry of Sport asserted influence over the Moscow laboratory. When the IC asked who instructs the laboratory to manipulate particular samples, laboratory personnel stated, “there is no need [to know the names] because the instructions are directly from the Ministry of Sport...” Moscow laboratory personnel made statements to the IC investigative staff during these interviews specifying that there exist “external interferences” with the analytical operations of the laboratory. These reported external influences are not, however, restricted to verbal direction from the Ministry of Sport, but have manifested themselves in the physical presence of state actors inside the laboratory. Specifically, Moscow laboratory personnel have reported, under confidentiality, regarding the continued presence of the Russian security (FSB)»] (с.195–196).

«Министр спорта России Виталий Мутко также отрицал, что проблема с допингом в России носит более вопиющий характер, чем в

любой другой стране» [«Russia's sports minister, Vitaly Mutko, also denied that Russia had a more egregious doping problem than any other country»] (с. 58).

«Деятельность находится в тесном взаимодействии» [«activities are stated to be in close cooperation»], *«тесные отношения»*, *«бросает тень»* [«reflect poorly on»], *«оказывало давление»* [«asserted influence over»], *«оказывает сильное влияние»* [«exerts a strong influence over»], *«отрицал»* – всё это совершенно неконкретно, беспредметно и маловразумительно.

Что касается сотрудников ФСБ России, то таковые не имеют непосредственного отношения к Министерству спорта Российской Федерации, которое не несёт за таковых ответственности. А кроме того, многократное упоминание таинственных «сотрудников ФСБ» в Отчёте Паунда-Макларена выглядит неубедительно.

Всё сводится к упоминанию, преимущественно одного и того же лица: *«Расследование независимой комиссии обнаружило информацию об интересе и влиянии российского государства на московскую лабораторию. Например, сотрудник лаборатории сообщил, что агент ФСБ регулярно посещает московскую лабораторию. Источник независимой комиссии в лаборатории опознал агента ФСБ как Евгения Блоткина (или Блохина). Источник сообщает, что директор московской лаборатории Родченков должен был еженедельно встречаться с Евгением Блоткиным, чтобы докладывать ему о “настроениях в ВАДА”»* [«The IC investigation uncovered information of Russian State interest and influence within the Moscow laboratory. For example, a laboratory staff member reported that an FSB agent regularly visits the Moscow laboratory. The IC sources within the laboratory identified the FSB agent as Evgeniy Blotkin/Blokhin. Sources reported that Moscow laboratory Director Rodchenkov was required to meet with Evgeniy Blotkin weekly to update him on the “mood of WADA”»] (с. 196). Версия произвола и коррупционной самодеятельности указанного реального или мнимого сотрудника ФСБ (единолично или в составе организованной группы) в Отчёте Паунда-Макларена даже не допускается. Презюмируется связь: раз сотрудник ФСБ был, значит, виновно всё государство. Но это слишком натянуто и неубедительно.

В отношении «вмешательств ФСБ» не приводится релевантных доказательств. Только безапелляционно заявляется о том, что такие факты были (как будто всё уже необходимым и достаточным образом и исчерпывающе доказано, что, в действительности, не так): *«Факт присутствия сотрудников ФСБ на территории лабораторий в Сочи и Москве является прямым нарушением рабочих процессов лаборатории и деятельности ее сотрудников, а также подтверждает прямое влияние государственных органов на спортивные мероприятия. Прямое вмешательство в работу лаборатории государственных органов Российской Федерации подрывает принцип независимости лаборатории»* [«The reported presence of the security services (FSB) within the laboratory setting in Sochi and at the Moscow laboratory, actively imposed an atmosphere of intimidation on laboratory process and staff, and supported allegations of state influence in sports events. The direct interference into the laboratory's operations by the Russian State significantly undermines the laboratory's independence»] (с. 12, 278).

Таким образом, претензии к российскому спорту и Российскому государству в Отчёте Паунда-Макларена носят содержательно размытый и маловразумительный характер. Ничего конкретного извлечь из Отчёта Паунда-Макларена невозможно.

Несколько более конкретно трижды повторенное суждение: «...имело место прямое запугивание и вмешательство государственных органов в деятельность московской лаборатории» [«...there was direct intimidation and interference by the Russian state with the Moscow laboratory operations»] (с. 14, 212, 280), а также следующее утверждение: «Многие не хотели говорить откровенно относительно отношений между Министерством спорта, РУСАДА и московской лабораторией **из страха репрессий**» [«Many individuals were unwilling to speak candidly regarding relationships between Minsport, RUSADA and the Moscow laboratory out of fear for reprisals»] (с. 28, 270, 294). Однако никаких доказательств сказанного и даже просто ясных описаний сути ситуаций с запугиваниями и угрозами в Отчёте Паунда-Макларена (кроме домыслов) не представлено.

Подчеркнём, что выше был представлен исчерпывающий объём референтных цитат, которые хоть как-то можно было бы связать с выводом о роли российских властей в реальных или мнимых массовых нарушениях антидопинговых правил. Но очевидно, что никаких доказательств процитированные фрагменты Отчёта Паунда-Макларена не содержат и не отражают.

Кроме приведённых цитат, в исследуемом документе встречаются информационные сообщения нейтрального характера – о статусе Министерства спорта Российской Федерации, о его обязанностях и проч. (с. 265 и др.), о содержании официальных контактов с Министерством спорта Российской Федерации (с. 265–266, 269, 312 и др.). Присутствуют рекомендации Министерству спорта Российской Федерации и Российской Федерации в целом (надо полагать – Правительству Российской Федерации) (с. 317–319).

Но из этого невозможно вывести сколь-нибудь внятные и, тем более, существенные подтверждения исследуемому выводу Отчёта Паунда-Макларена.

Таким образом, все «доказательства» вывода о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов в Отчёте Паунда-Макларена сводятся к домыслам, выражениям сомнения, абстракциям или нереферентным сообщениям (типа описания корреляций между структурной схемой Министерства спорта Российской Федерации и его степенью влияния, указания абстрактных связей между указанным министерством и другими субъектами деятельности по антидопинговому контролю).

При этом подчеркнём, что в самом же Отчёте Паунда-Макларена чётко артикулировано, что его авторам не удалось доказать причастность Министерства спорта Российской Федерации к описываемым в Отчёте Паунда-Макларена реальным или мнимым массовым нарушениям антидопинговых правил:

«Независимая комиссия не смогла подтвердить обвинения в непосредственном влиянии Министерства спорта на деятельность РУСАДА и московской лаборатории» [«*The IC was unable to corroborate allegations of direct influence by Minsport on the activities of RUSADA and the Moscow laboratory*»] (с. 28, 270, 294).

«Независимой комиссии не удалось, однако, подтвердить некоторые из более общих утверждений, сделанных независимыми источниками, например, о том, что “Министерство спорта решает, какие из спортсменов будут наказаны, а какие нет”» [«*The IC was unable, however, to corroborate some of the more general statements such as: “the Ministry of Sport decides which of the athletes get banned or not,” that were made by independent sources*»] (с. 267).

«Независимая комиссия не смогла подтвердить заявления о том, что фактическое вмешательство в работу происходит при непосредственном участии Минспорта, но приходит к выводу, что степень давления и влияния таковы, что невозможно поверить, что в Минспорте не знали о подобных действиях. Озабоченность независимой комиссии в этом контексте вызывает то, что Минспорта было полностью пассивным в расследовании обвинений против РУСАДА» [«*The IC has not been able to corroborate claims that actual operational interference occurs with the direct involvement of Minsport, but concludes that the extent of the pressures and influence are such that it is not credible to believe that Minsport was unaware that such activities were occurring. An observation of concern to the IC in this context is that Minsport has been completely passive in the matter of inquiring into the allegations made against RUSADA*»] (с. 267).

Процитированные выше текстовые фрагменты Отчёта Паунда-Макларена представляют собой очень важные признания авторов этого документа, опровергающие какую бы то ни было возможность какого-либо истолкования Отчёта Паунда-Макларена как якобы доказывающего наличие системы противоправного содействия российскими властями (в частности, в лице Министерства спорта Российской Федерации и его должностных лиц) массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и масштабного сокрытия российскими властями таких фактов.

Кроме того, отметим, что выражения, типа: *«невозможно поверить»* и *«озабоченность в контексте вызывает»*, неоднократно обнаруживаются в исследуемом документе, в нём можно отыскать всё что угодно, но только не конкретные релевантные доказательства.

Это выявляет предвзятость «независимой комиссии». Неудивительно в таком случае, что, по словам Отчёта Паунда-Макларена, *«в какой-то момент произошли очевидные изменения в стратегии российского правительства по взаимоотношениям с общественностью. Независимо от того, что послужило*

катализатором, очевидным стало то, что тон и рамки публичных заявлений, сделанных российским правительством, претерпели значительные изменения... с начала расследования и до непосредственного окончания работы над настоящим отчётом» [«...at some point there was an apparent change in the public relations strategy of the Russian government. Whatever the catalyst, it became apparent that the tone and frame of public statements issued by the Russian government evolved significantly from the beginning of the investigation until shortly before the completion of this Report»] (с. 57).

Отметим также, что в Отчёте Паунда-Макларена многократно указывается на Григория Родченкова как основное виновное лицо (с. 278–279 и др.), но попытки связать его с государством (как заявляемым соучастником и/или заказчиком противоправной деятельности) выглядят совершенно неосновательно и неубедительно, никаких подтверждений на этот счёт не приводится.

Более того, возможность и обоснованность каких бы то ни было ссылок на Г. Родченкова в Отчёте Паунда-Макларена как на источник информации (с. 13, 204, 205, 210 и др.) убедительно опровергаются содержащимися в самом же Отчёте Паунда-Макларена крайне негативными оценками в адрес Г. Родченкова, который описан в этом документе как не заслуживающий доверия (с. 13, 204, 279), как организатор, пособник и подстрекатель и неотъемлемая часть противоправных действий, нарушающих антидопинговые правила (с. 12, 13, 15, 25, 116, 200, 202, 212, 213, 278, 279, 280, 291), как коррупционер, взяточник и вымогатель (с. 13–15, 25, 141–142, 199–202, 212–213, 279–280, 291).

С учетом сказанного выше, выводы Отчёта Паунда-Макларена о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов следует признать недоказанными.

4. Оценка заявлений в Отчёте Паунда-Макларена об проверке и обеспечении достоверности используемых «независимой комиссией» материалов и сведений

В исследуемом Отчёте Паунда-Макларена лишь изредка (в нескольких местах) говорится о том, что те или иные сведения или материалы подвергались проверке достоверности: *«Доказательства, предоставляемые источниками оперативной информации, должны быть надёжными. Помимо сопоставления устных доказательств с документацией и сведениями, полученными от других свидетелей, необходимо провести оценку достоверности, поскольку примеры из прошлого показали, что любые предположения о допинге могут быть резко опровергнуты. Независимая комиссия опросила основных источников*

оперативной информации в данном расследовании. Независимая комиссия проверила достоверность их заявлений и подлинность иных подтверждающих доказательств» [«*The evidence provided by whistleblowers must be reliable. In addition to the integration of verbal evidence with documentation and corroboration by other witnesses, an assessment of credibility needs to be made, since it is possible, based on examples in the past, that any allegations of doping will be fiercely contested. The IC has interviewed the principal whistleblowers in this investigation. The IC is satisfied that their statements are credible and the other supporting evidence has been tested for authenticity»*] (с. 8).

Но сказанного явно недостаточно. Ссылки на одни лишь рассказы неназываемых лиц не могут быть признаны достаточной доказательной базой. Кроме того, недостаточно отметить, что проверялась достоверность, необходимы хотя бы какие-то пояснения относительно того, посредством каких именно способов и в какой мере это производилось. Однако об этом Отчёт Паунда-Макларена умалчивает.

И здесь не представляются убедительными нижеследующие объяснения: *«Независимая комиссия передала значительный объем данных и информации в Интерпол, которые демонстрируют преступное поведение отдельных лиц и организаций. До принятия соответствующими органами решения о наложении уголовного наказания независимая комиссия не будет публиковать содержимое соответствующей главы отчёта, чтобы не создавать препятствий ведущимся расследованиям»* [«*The IC has turned over considerable data and information to Interpol that tends to demonstrate criminal conduct on the part of certain individuals and organizations. Until the proper authorities have decided whether to lay criminal charges, the IC will not make public the contents of that chapter of the Report, so as not to interfere with the ongoing investigations regarding such conduct»*] (с. 9).

«Как и в любом расследовании, затрагивающем деликатные темы, независимая комиссия должна была принимать во внимание вопросы, связанные с личной безопасностью свидетелей, возможность конфликта интересов и постоянную проблему оценки достоверности анализируемых данных» [«*As with any investigation of sensitive issues, the IC also had to bear in mind issues related to the personal security of witnesses, the potential of conflicts of interest and the ongoing challenge of assessing the credibility of the evidence coming to its attention»*] (с. 67).

Процитированные фрагменты Отчёта Паунда-Макларена выглядят исключительно как уловки, призванные риторически замаскировать, скрыть реальное отсутствие надлежащих доказательств. Даже если допустить и признать наличие у «независимой комиссии» Паунда-Макларена каких-то доказательств «на будущее», «тайных доказательств», которые невозможно сейчас публично представить из каких-то соображений, это не может изменить выводы о низком юридическом качестве и общей бездоказательности Отчёта Паунда-Макларена, поскольку на основании именно этого текста (в его сегодняшнем состоянии) выносились решения, повлекшие крайне негативные последствия для российских спортсменов.

Такая принципиальная бездоказательность Отчёта Паунда-Макларена выражает грубейшее неуважение к его читателям и ставит вопрос о сфальсифицированности выводов этого документа.

Из того, что комиссия под руководством Р. Паунда названа в ВАДА «независимой», совершенно не следует, что каждое слово этой комиссии должно некритично восприниматься на веру и что сама комиссия избавлена от обязанности доказывать свои выводы и объяснять, каким образом таковые были получены.

5. Оценка фактологической и иной источниковой основы Отчёта Паунда-Макларена

5.1. Размытость формулировок, излагающих сведения о фактологической и иной источниковой основе Отчёта Паунда-Макларена

В Отчёте Паунда-Макларена утверждается о «*рассмотрении всех доказательств*» [«*reviewed all evidence*»] (с. 4), об «*оценке технических доказательств*» [«*evaluating technical evidence*»] (с. 5); об «*обработке доказательств*» [«*evidence handling*»] (с. 6); «*анализе доказательств*» [«*analysis of evidence*»] (с. 5), «*оценке фактических доказательств*» [«*assessment of factual evidence*»] (с. 5), «*анализе и подтверждении доказательств*» [«*analysis and corroboration of evidence*»] (с. 66–67), об «*аудио- и видео- доказательствах*» [«*audio and video evidence*»] (с. 10, 22, 119, 288), «*научных доказательствах*» («*научных данных*») [«*scientific evidence*»] (с. 10), «*мощных подтверждающих доказательствах*» [«*strong corroborating evidence*»] (с. 13, 15, 202, 213, 278, 280), «*достаточных подтверждённых доказательствах*» [«*sufficient corroborated evidence*»] (с. 15, 215, 281). Слово «доказательства» многократно употреблено в Отчёте Паунда-Макларена. Но в большинстве случаев заявление о наличии доказательств остается только лишь голословным, ни чем не подкрепляемым заявлением.

При этом характерно позиционирование и презюмирование в Отчёте Паунда-Макларена чего угодно в качестве «доказательств», тогда как надлежащих, релевантных доказательств содержащихся в Отчёте Паунда-Макларена суждений о масштабах употребления допинговых средств российскими спортсменами и о роли российских властей в этом как раз совершенно недостаточно в указанном Отчёте.

Попытки извлечь из исследуемого Отчёта Паунда-Макларена, что же конкретно исследовала «независимая комиссия», не приводят к успеху. Всё сводится к невнятным перечислениям весьма разнородных позиций:

«Независимая комиссия провела множество опросов и просмотрела тысячи документов, применяла компьютерный анализ, исследовала и проверила биологические паспорта атлетов, работу атлетов и должностных лиц, соблюдение руководств по контролю и отчётности, а также возможные

нарушения Кодекса. На основании опросов и анализа доказательств следователи независимой комиссии **получили широкое понимание культуры и аспектов работы российской легкой атлетики** [«The IC conducted numerous interviews and reviewed thousands of documents, employed cyber analysis, studied and reviewed Athlete Biological Passport (ABP) profiles, conduct of athletes and officials, adherence to monitoring and reporting guidelines and possible Code violations. Through interviews and analysis of evidence, IC investigators developed a comprehensive understanding of the culture and patterns of conduct within Russian athletics»] (с. 4–5).

Здесь действия («работа атлетов и должностных лиц», «соблюдение руководств», «нарушения Кодекса») перемешаны с объектами («тысячи документов»; «биологические паспорта атлетов»), с методами исследования («применяла компьютерный анализ»). Такая пересортица обычно свидетельствует либо о крайне низкой профессиональной квалификации авторов, либо, напротив, о стремлении замаскировать отсутствие реальных фактов и релевантных доказательств.

Кроме того, существенное значение имеют ответы на вопросы: «Опросы» кого именно и на каких основаниях проводила «независимая комиссия»? Какие именно документы исследовала «независимая комиссия», на каких основаниях и условиях эти документы были получены, каким образом осуществлялись оценка и подтверждение их достоверности, в какой мере и какими методами исследовались эти документы? Но ответы на такие вопросы в исследуемом Отчёте Паунда-Макларена обнаружить невозможно.

Про «тысячи» никак не идентифицируемых «документов» (с. 4, 5, 67 и др.) и про абстрактные, детализированно не описываемые «доказательства» не раз повторяется в Отчёте Паунда-Макларена (с. 5 и др.).

Такая же маловразумительная компиляция представлена в следующем текстовом фрагменте исследуемого документа: «*Расследование независимой комиссии было главным образом ориентировано на следующих вопросах: документальный фильм ARD, вышедший в декабре 2014 года. Он включал дискредитирующие свидетельские показания и инкриминирующие видео- и аудиозаписи, предполагающие распространенный обман, употребление допинга и коррупцию; проверка тысяч документов и опросов ряда свидетелей с целью доказательства или опровержения данных заявлений; отработка виртуальной фазы расследования значительно помогло в подтверждении многих предположений, связей и сопоставлений; оценка технических доказательств; проверка оборудования и лабораторий, используемых для целей тестирования, и методов мониторинга, включая работу сотрудников лаборатории и факторов, негативным образом влияющих на независимость мнения лаборатории; работа с доказательствами, вопросы хранения и целостности проб; регуляторные органы – протоколы мониторинга и возможные отклонения; заявления атлетов – включая соблюдение требований и неоказание содействия следователям; выявление фактов коррупции, благодаря которым по положительным результатам анализов не были приняты меры; выявление фактов коррупции в форме выплат медицинским работникам и*

тренерам за поставку допинговых препаратов и предоставление информации касательно применения запрещенных веществ и методов; потенциальная уголовная ответственность; подтверждение того, что тренеры и иные должностные лица, включая медицинских работников, склоняют спортсменов принимать допинг; выявление коррупции в форме предварительного уведомления о сроках и месте проведения внесоревновательного допинг-контроля; коррупция со стороны организаторов национальных соревнований, где были “лазейки”, позволяющие атлетам вести недобросовестную борьбу и не прерывать прием допинга; коррупция со стороны должностных лиц и вымогательство денежных средств у атлетов для покрытия положительных результатов тестирования; а также выводы и рекомендации» [«The IC investigation focused principally on the following areas: The ARD Documentary released in December 2014. This documentary included damaging witness statements and incriminating video and voice recordings alleging widespread cheating, doping and corruption; Reviews of thousands of documents and the interviews of numerous witnesses with the objective of proving or disproving these allegations; Execution of the Cyber investigative phase assisted greatly in confirming many of the allegations, links and associations; Evaluating technical evidence; Audit of testing facilities, laboratories and monitoring methods, including conduct of laboratory officials and interference with independence; Evidence handling, custody and integrity issues regarding athlete tests; Regulatory authorities – monitoring protocols and possible variations; Athlete statements – including compliance and failure to cooperate with investigators; Detection of corruption that enabled positive analytical results to be not acted upon; Detection of corruption in the form of payments to medical officials and coaches for doping supplies and instructions on use of doping substances and methods; Potential criminal liability; Evidence of enticement by coaches and other officials, including medical, for athletes to engage in doping practices; Detection of corruption in the form of prior notice as to when and where out-of-competition doping controls would take place; Corruption of games organizing officials to enable national competitions where “green lanes” were in place to enable athletes to compete “dirty” thereby enabling them not to disrupt their doping regimes; Corruption of officials and extortion from athletes to cover-up positive tests; and, Findings and Recommendations»] (с. 5–6).

Семантически размытые формулировки и «напускание тумана» не могут заменить собой и подменить ожидаемые релевантные и убедительные доказательства. И в отсутствие последних всё это выглядит лишь как риторическое прикрытие, маскировка отсутствия реальных фактов и релевантных доказательств.

Наличествующая в Отчёте Паунда-Макларена явно неуместная патетика, типа заявления о «глобальном характере проводимых расследований» [«global nature of the investigation»] (с. 68), так же призвана замаскировать отсутствие в нём релевантных доказательств.

Не добавляют убедительности Отчёту Паунда-Макларена и фиксируемые в самом этом документе многочисленные противоречия в показаниях привлекавшихся для свидетельств лиц. Например: «В беседах с участием Виталия Степанова была дана противоречивая информация о действиях инспекторов допинг-контроля» [«The interviews of Vitaly Stepanov provide contradictory information on the activities of DCOs»] (с. 102); «**Независимая комиссия имеет противоречивую информацию о качестве и уровне оборудования второй лаборатории. В результате, никаких выводов сделать невозможно**»

[«*The IC has contradictory evidence as to the quality and level to which the second laboratory is equipped. As a result, no findings are possible*»] (с. 215).

5.2. Так называемые «источники оперативной информации»

Важнейшим источником информации в основе Отчёта Паунда-Макларена заявлены показания анонимных свидетелей – «*источники оперативной информации*» («информаторы»). Этому посвящен раздел 1.5 (с. 7–8). В частности, заявлено: «*Читатели отметят, что значительная часть доказательств в данном расследовании предоставлена лицами, которых часто называют “источниками оперативной информации” и которые требуют определённого обсуждения*» [«*Readers will note that considerable evidence in this investigation has been provided by or obtained from persons who have the status of what are commonly referred to as “whistleblowers”. As such, some discussion regarding whistleblowers is appropriate*»] (с. 7).

Однако в обозначенном разделе Отчёта Паунда-Макларена ничего внятного не сказано, приводятся одни лишь общие, абстрактные рассуждения о трудной судьбе информаторов и о том, почему «*борьба с допингом в спорте обоснованно называется борьбой*» [«*fight against doping in sport is properly characterized as a fight*»] (с. 7).

О «*доказательствах, предоставленных в конфиденциальном порядке*» [evidence «*on a confidential basis*»] в Отчёте Паунда-Макларена говорится на с. 15, 205, 216, 281. В исследуемом документе указываются «*конфиденциальный свидетель (КС) № 1*» [«*Confidential Witness #1*»] и «*конфиденциальный свидетель (КС) № 2*» [«*Confidential Witness #2*»] с описанием полученных от них сведений (разделы 13.6.3 и 13.6.4, с. 200–201). Утверждения и оценки со ссылкой на сведения от «*конфиденциальных свидетелей*» [«*confidential witnesses*», «*evidence was given on a confidential basis*»] также встречаются на с. 15, 215, 216, 281 и в ряде других мест Отчёта Паунда-Макларена.

Более того, заявляется, что некоторые выводы «*независимой комиссии*» Р. Паунда сделаны на основании показаний лица, имя которого не было представлено «*из соображений конфиденциальности*» даже самой «*независимой комиссии*»: «*ИААФ предоставила следователям независимой комиссии следующую информацию, которая была получена от действующего инспектора допинг-контроля в России. Хотя источник информации известен ИААФ, личные данные источника не были переданы независимой комиссии из соображений конфиденциальности*» [«*The IAAF provided IC investigators with the following information, which it had obtained from an active DCO in Russia. Although the source of the information is known to the IAAF, the personal details of the source have not been passed to the IC because of confidentiality considerations*»] (с. 103).

Давая оценку государству в целом и органам государственной власти, ссылаться на несуществующих в реальности «*анонимных свидетелей*», – это типовой приём «желтой» прессы. С помощью такого приёма можно обвинить вообще в чем угодно. Реализация такого приёма совершенно исключает

возможности лиц, подвергшихся порочащим нападениям, защитить свои честь и достоинство, доказать ложность порочащих инвектив в их адрес.

Никаких выкладок относительно способов отыскания и нахождения подтверждения сказанному «источниками оперативной информации» (конфиденциальными свидетелями, информаторами), проверки и подтверждения достоверности переданных ими материалов в Отчёте Паунда-Макларена не приводится.

Указанные выше обстоятельства не позволяют считать такие сведения и материалы надлежащими и достоверными источниками.

5.3. «Показания» российских спортсменов

В разделе 9.4 Отчёта Паунда-Макларена сказано: *«В ходе расследования независимая комиссия отметила, что в отношении 53 выявленных интересующих спортсменов, информация, предоставляемая в рамках АДАМС, была предоставлена частично. Всего 35 спортсменов предоставили адреса электронной почты, 18 – не предоставили. Было установлено, что 19 спортсменов сообщили свои телефонные номера. Следователи обратились к 35 спортсменам с зарегистрированными адресами электронной почты с просьбой о проведении беседы, чтобы задать им несколько вопросов об обвинениях со стороны ARD... Из 35 спортсменов, с которыми независимая комиссия пыталась установить контакт, 23 не ответили ни на один из вышеупомянутых запросов по электронной почте. 3 спортсмена ответили “условно”, заявив, что они хотели бы заранее увидеть вопросы или установить некую форму предварительных условий до участия в беседе независимой комиссии. Высокий процент отсутствия ответов и условные ответы зародили серьезные сомнения относительно желания спортсменов быть открытыми и искренними во время предлагаемых бесед, и независимая комиссия сделала вывод, что спортсмены получили распоряжение не отвечать на запросы о беседах. Таким образом, предполагалось, что беседы будут проводиться с оставшимися 9 спортсменами. Беседы с 2 из них были проведены по Skype, с одним спортсменом беседа была проведена по телефону. Неудачные многочисленные последующие попытки связаться со спортсменами..., в конечном итоге, вызвали еще больше подозрений о групповом нарушении Кодекса»* [«In the course of the investigation, the IC noted that with respect to the 53 identified athletes of interest, the information provided within ADAMS was only partially complete. A total of 35 athletes provided email addresses; 18 did not. 19 athletes were found to have provided telephone numbers. Investigators wrote to the 35 athletes with registered email addresses requesting an interview, in an effort to question athletes regarding the ARD allegations... Of the 35 athletes with whom the IC attempted to establish contact, 23 did not reply to any of the aforementioned email contact requests. 3 athletes replied “conditionally” stating that they wished to view the questions in advance or set some form of precondition before engaging in the IC interviews. The high percentage of non-responses and conditional responses created considerable doubt as to the athletes’ willingness to be open and candid during the proposed interviews and the IC drew the inference that the athletes were being directed to not respond to interview requests. The remaining 9 athletes were considered for interview. 2 of

these athletes were interviewed via Skype, while one was contacted and interviewed via telephone. The unsuccessful multiple follow-up attempts to contact athletes..., ultimately created greater suspicion of Code violations within the group»] (с. 100).

То есть из отобранных «независимой комиссией» 53 российских спортсменов, судя по процитированному текстовому фрагменту на с. 100 Отчёта Паунда-Макларена, «независимой комиссии» удалось пообщаться только с 3 спортсменами, то есть менее чем с 6 процентами от количественного объема первоначальной выборки спортсменов. Следовательно, нет никаких оснований говорить о референтности этой выборки. И это при том что и само количество 53 спортсмена составляет весьма малую часть от общего количества российских спортсменов спорта высших достижений.

При этом отметим, что вполне ожидаемый и логичный отказ спортсменов оправдываться и давать какие-то комментарии в связи с ложными, клеветническими фильмами Хайо Зеппельта немецкого телеканала ARD совершенно превратно, ложно истолкован в Отчёте Паунда-Макларена как, якобы, косвенное подтверждение будто бы имеющей место вины российских спортсменов. То, что ложно и несправедливо опорочившие российский спорт фильмы Хайо Зеппельта могут обоснованно восприниматься российскими спортсменами как умышленно и ложно порочащие и как клеветнические, даже не допускается авторами Отчёта Паунда-Макларена. Но версия Отчёта Паунда-Макларена о том, что массовые отказы российских спортсменов отвечать на вопросы неизвестных им людей (некой будто бы независимой комиссии), преследующих непонятные для них цели, вызваны виновностью российских спортсменов в чем-то и стремлением сокрыть эту вину, не выдерживает критики, демонстрирует предвзятость и необъективность «независимой комиссии» и не получает никакого обоснования в самом Отчёте Паунда-Макларена. То есть налицо применение в Отчёте Паунда-Макларена очередного манипулятивного приёма подмены факта мнением.

В Отчёте Паунда-Макларена указывается некоторое число российских спортсменов, которые предоставили «независимой комиссии» некоторые сведения, однако, как уже было указано выше, в рассматриваемом документе не представлено никаких сведений относительно того, посредством каких именно методов обеспечивались проверка и подтверждение достоверности полученных от указанных лиц сведений.

5.4. Фильмы немецкого телеканала ARD

В содержании Отчёта Паунда-Макларена неоднократно даются отсылки к фильмам Хайо Зеппельта немецкого телеканала ARD как к источнику информации.

Например: *«03 декабря 2014 года по немецкому телеканалу ARD транслировали документальный фильм “Совершенно секретно. Допинг: как Россия создает своих победителей”, в котором было высказано*

предположение о существовании отлаженной финансируемой государством системы допинга во Всероссийской федерации легкой атлетики (ВФЛА), которая является регулирующим органом в сфере легкой атлетики в Российской Федерации и признана таковой международной федерацией (МФ), Международной ассоциацией легкоатлетических федераций (ИААФ)» [«On 03 December 2014, the German television channel ARD aired the documentary “Top Secret Doping: How Russia makes its Winners”, 1 alleging the existence of a sophisticated and well established system of state-sponsored doping within the All-Russia Athletics Federation (ARAF), the governing body for the sport of athletics in Russia, recognized as such by the responsible international federation (IF), the International Association of Athletics Federations (IAAF)»] (с. i).

Эта оценка изложенных в указанном фильме сведений как «предположения» далее в Отчёте Паунда-Макларена трансформируется в уверенное утверждение (или, по крайней мере, в попытку сформировать такое убеждение) о верности и обоснованности содержащихся в фильме инвектив в адрес российского спорта и российских спортсменов.

«Несмотря на то что данное расследование было инициировано вследствие представления фактов заявлений, представленных в документальном фильме ARD, доказательства не ограничивались темами, охваченными документальным фильмом ARD» [«While this investigation was prompted by revelations and allegations stemming from the ARD documentary, the evidence uncovered was not restricted to the topics covered by the ARD documentary»] (с. 5).

«Расследование независимой комиссии было главным образом ориентировано на следующие вопросы: документальный фильм ARD, вышедший в декабре 2014 года. Он включал дискредитирующие свидетельские показания и инкриминирующие видео- и аудиозаписи, предполагающие распространенный обман, употребление допинга и коррупцию» [«The IC investigation focused principally on the following areas: The ARD Documentary released in December 2014. This documentary included damaging witness statements and incriminating video and voice recordings alleging widespread cheating, doping and corruption...»] (с. 5).

«В документальном фильме немецкого телеканала ARD ... обвиняется в снабжении российских легкоатлетов запрещёнными препаратами и в участии в сговоре с целью сокрытия положительных результатов допинг-контроля в обмен на процент от суммы выигранных спортсменами наград» [«The ARD documentary alleges that ... provided banned substances to Russian athletes and participated in a conspiracy to cover up athletes' positive tests in exchange for a percentage of their winnings»] (с. 218).

«Независимая комиссия (НК) была создана решением президента Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) после заявлений о том, что в России допинг «поддерживается на государственном уровне», сделанных немецким телеканалом ARD в декабре 2014 года в документальном фильме “Совершенно секретный допинг. Как Россия создает своих победителей”. После документального фильма телеканала ARD мировые СМИ в своих репортажах пришли к выводу, что беспрецедентные по своему масштабу допинговые нарушения происходят с участием российских тренеров, спортсменов и представителей государственных органов, вопреки правилам

проведения соревнований, установленному нормативному регулированию и, в некоторых случаях, уголовному законодательству» [«The Independent Commission (IC) was created by decision of the World Anti-Doping Agency (WADA) President following allegations of Russian “state sponsored” doping violations reported by the German television channel ARD in December 2014 in its documentary “Top-Secret Doping: How Russia makes its Winners”. Following the ARD documentary, global media reporting inferred that unprecedented levels of doping violations were occurring within a complicit network of Russian coaches, athletes and regulatory officials, which appeared to be in defiance of competitive rules, established regulatory controls and, in some cases, criminal law»] (с. 65).

Высказывание: «...мировые СМИ в своих репортажах пришли к выводу» [«...global media reporting inferred»] (с. 65) демонстрирует крайнюю неосновательность и несерьезность претензий в адрес российского спорта и в очередной раз доказывает отсутствие реальных доказательств той картины массового употребления допинга российскими спортсменами и противоправного вовлечения государственных органов в этот процесс, которая рисуется Отчётом Паунда-Макларена, поскольку здесь налицо применение известного манипулятивного приёма подмены факта мнением. Очевидно, что факт совершения противоправных действий – это далеко не одно и то же, что написание какими-то журналистами (даже пресловутыми «глобальными») о будто бы имевшем место таком факте.

Не только в процитированном фрагменте Отчёта Паунда-Макларена, но и в других его местах использованы манипулятивные приёмы. Сам факт использования таких приёмов в Отчёте Паунда-Макларена существенно обесценивает как весь этот документ в целом, так и его выводы, убедительно доказывает его изначальную предвзятость, направленность на создание видимости аргументации, в действительности, заранее свёрстанных, политически мотивированных выводов.

Более того, выход очередного телефильма безотносительно степени его доказательности (в отсутствие каких-либо указаний на инструменты и процедуры подтверждения достоверности изложенных в них сведений) заявлялся и использовался в качестве основания для усиления и расширения полномочий «независимой комиссии»: **«Полномочия были расширены в августе 2015 года после второй трансляции немецкого канала ARD»** [«The Terms of Reference were expanded in August 2015 following a second broadcast by ARD»] (с. 4).

Такого рода отсылки существенно понижают качество Отчёта Паунда-Макларена и доверие к нему, лишая какой-либо возможности оценить его как убедительный и основательный аналитический юридический документ.

Выводы

Итоговый отчёт № 1 от 09.11.2015 «независимой комиссии» под председательством Ричарда В. Паунда (в составе также Ричарда Х. Макларена, Гюнтера Янгера и др.) характеризуется многочисленными критическими недостатками, лишаящими его надлежащих основательности, обоснованности и объективности (в том числе из-за применения манипулятивных приёмов), основан на домыслах, недостоверных сведениях, на информации, которая, судя

по тексту Отчёта, не подвергалась объективными средствами проверке и подтверждению достоверности, не содержит прямых однозначных улик и релевантных доказательств основных выводов Отчёта. Указанный документ обоснованно признать лишённым объективности и предвзятым, бездоказательным и, в существенной его части, сфальсифицированным.

Анализ Отчёта Паунда-Макларена в взаимосвязи с документом «Положение о полномочиях независимой комиссии» от 16.01.2015 и комплексом нормативных документов Всемирного антидопингового агентства даёт необходимые и достаточные основания для вывода о том, что данный документ, сам по себе, не имеет юридического значения (его юридическое значение ничтожно) в качестве основания для принятия каких-либо рестриктивных и репрессивных мер в отношении российских спортивных организаций и российских спортсменов.

05.09.2016

Понкин Игорь Владиславович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор

Гребенников Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов, Заслуженный юрист Российской Федерации

Кузнецов Михаил Николаевич, адвокат, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права Юридического института Российского университета дружбы народов, профессор